

Саркисян М. Р.

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ СТРУКТУРУ
КОНЦЕПТА SPIRITUALITY**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/83.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 196-199. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Отметим, что тема восприятия Хармсом творчества Белого ждет своего пристального исследования. В архиве Хармса сохранилась его заметка 1927 г., где Хармс обращается к петербургской тематике, очевидно, во время работы над "Комедией города Петербурга": «Прием А. Белого, встречающийся в его прозе - долгождан. Я говорю о том приеме, который не врывается как сквозняк, не треплет скрытый в душе волос милого читателя. О приеме говорю я таком же естественным, как. Достаточно. Уразумение наступит в тот именно момент, когда не ждет того читатель. До тех пор он правильно догадывается, но трусит. Он трусит. Об авторе думает он. Автор мог предвидеть все - как? За этим следует слово, одно (много два) - и читатель говорит в пыль забившись, скучных метафор, длинных периодов, тупых времен - пыль. Тут говорит он себе, так же просто как до начала чтения, - мысль его прояснилась ...» (18 июля 1927 года).

В данной статье мы попытались наметить основные направления в рассмотрении проблемы интертекстуальности в творчестве Хармса, которая еще требует пристального и разностороннего исследования.

Список использованной литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Введенский А.И. Костер Л., 1926.
3. Косиков К.Г. Вопр. литературы. 1993. Вып. 3. С. 42.
4. Крученых А.В. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М., 1924.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
6. Смирнов И.П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). СПб., 1997.
7. Томашевский Б.В. Пушкин-читатель французских поэтов//Пушкинский сборник памяти С.А. Венгерова. М. - Пг., 1923. С. 210--213.
8. Туфанов А. Освобождение жизни и искусства от литературы //Красный студент. 1923. N 7/8. С. 7 - 12.
9. Хармс Д.И. Избранное. СПб., 2000.
10. Хлебников В. О современной поэзии. // Творения. М., 1985. С. 632.
11. Шварц Е. Л. Живу беспокойно. М., 1970.
12. Ямпольский И.Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. М., 1993.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ СТРУКТУРУ КОНЦЕПТА *SPIRITUALITY*

Саркисян М. Р.

Армавирский государственный педагогический университет

Концепт ДУХОВНОСТЬ представляет образование из фиксированного количества областей. Для того чтобы составить наиболее полную картину экстерииоризации концепта *SPIRITUALITY*, точно структурировать последний посредством областей, а также еще раз доказать состоятельность утверждения о том, что концепт представляет собой комплексную сущность, имеющую в своем составе определенное количество областей, которые находятся во взаимосвязи, индуцируя, активируя друг друга [Алимурадов, 2003: 219], проанализируем структуру рассматриваемого концепта путем выделения соответствующих областей.

Приступая к описанию структуры *SPIRITUALITY* необходимо отметить следующее, что в основе формирования вербализации и интерпретации концепта лежит теория подвижной точки фокуса интенциональности [Алимурадов, 2003: 206], роль которой сводится не только к направленности конкретного процесса или состояния, но и играющая ключевую роль при порождении глобальных смыслов [там же].

Текст Huxley «The Claxtons» являет собой иллюстрацию концепта *SPIRITUALITY*. Примечательно, что весь текст насыщен лексемами, вербализующими так или иначе «духовное пространство» семьи Клэкстонс. Рассмотрим основные характеристики концепта *SPIRITUALITY* в тексте произведения Huxley “The Claxtons” и выявим аксиологичность духовности в данной семье, осмыслив при этом критерии, определяющие истинность человека и его предназначение в рамках рассматриваемого концепта. Прежде оговоримся, что, как нам представляется возможным, формирование и вербализация концепта в рамках исследуемого текста проходит несколько этапов, в процессе которого концепт усложняется, так как в его структуру входят новые и новые области, ведущую роль в котором принадлежит ТФИ. На начальном этапе ТФИ восприятия направлена на духовную сторону жизни главных героев. Это не удивительно, так как объяснение можно найти в том, что первой нами сформированной областью рассматриваемого концепта выступает область ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО. Духовное возникает, когда человек начинает строить иной мир, отличающийся от физического пространства, с присущими ему понятиями и символами. Главные герои пытаются «построить» свою духовную сферу как способ человеческого существования.

(1) She suffered when she deprived herself of some delicious morsel. But there was a sense in which she loved her suffering more than the morsel. Denying herself, she felt her whole being irradiated by a glow of power; suffering, she was strengthened, her will was wound up, her energy enhanced with every rise in prices. Martha's enthusiasm for ascetic spirituality became more than ever fervid and profound [Huxley: 22].

Формирование области БЕЗДУХОВНОСТЬ основана нами на базе ценностных составляющих концепта *SPIRITUALITY*. Известно, что аксиологичность духовности свидетельствует об объективной значимости и её содержательного компонента. Ценность, мы полагаем, является той матрицей, которая охватывает всю

системно-структурную организацию духовности. К тому же вне аксиологической содержательности и наполненности любая область концепта ДУХОВНОСТЬ лишается ориентационно-нравственного потенциала и реализационной силы. Вне ценностного основания и присутствия ценность в рассматриваемом концепте может быть чем угодно, например, как явствует из нашего примера, физиологической компонентой, физическим качеством, но не духовностью в её сущностном и онтологическом значении.

Обратимся к дефинициям:

To suffer - to feel or endure pain, annoyance;

To deny oneself - not to eat/ drink very much;

Irradiate - to shine upon / to treat with rays of light;

Ascetic - a person who lives alone, denies himself comforts and pleasures, and devotes himself to religious thoughts [WNRUD: 623, 177, 332].

На основе дефиниционного анализа глаголов: to suffer, в семантике которого можно выделить сему «pain»; а также to deny oneself, to deprive oneself, усиливающие выделенную сему, мы полагаем правомерным утверждать, что духовность, лишённая своей внутренней энергии аксиологической по сути, а не психологическим состоянием или физическим побуждением, которую испытывает Марта Клэкстон при лишении себя и своей семьи яств, превращается в свой антипод - БЕЗДУХОВНОСТЬ. На основании вышесказанного нами была выделена область БЕЗДУХОВНОСТЬ с целью подчеркнуть, что физические страдания еще не являются олицетворением духовности. Более того, духовная жизнь выражается в том, что душа безустанно ищет вечного, ищет безусловно во всем, а не способов как страдать без каких - либо на это причин. От образа Божия, от духовности должна светиться душа наша этими лучами. Обратимся к примеру:

(2) *Suffering she felt her whole being irradiated by a glow of power [Huxley: 22].*

To irradiate - to shine upon / to treat with rays of light [WNRUD: 177].

Итак, духовная жизнь, пронизывая всю нашу жизнь и душу, создает сияние образа Божия во всей её жизни. Во всём, касаемом области ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, могут быть усмотрены лучи этого сияния, которые предворяют человека в мир духовных ценностей. Лучи этого сияния даёт человеку способность отделить себя от чего-то мелкого, частного и расширить свое существование до чего-то бесконечного и вечного. Вот почему так нелепа выглядит Марта, когда пытается внушить семье и, прежде всего, себе о духовной составляющей их жизни.

Обратимся к примеру:

(3) *With every rise in prices Martha`s enthusiasm for ascetic spirituality became more than ever fervid and profound [Huxley: 23].*

На основе дефиниционного анализа (см. выше), мы полагаем, что SPIRITUALITY, наделённая признаками «измерений» человеческого бытия является конституирующим началом, ибо именно ДУХОВНОСТЬ делает человека человеком. Её вполне обоснованно сравнивают с образом горящего светильника, который озаряет внутренний мир людей и облегчает им поиск и выбор праведного пути в самых разных ситуациях. Как образно заметил Н. А. Бердяев, без духовности «нельзя нести жертвы и совершать подвиги». А все начинания Марты, как нам видятся, бездуховны по сути, поэтому релевантным нам представляется выделение области БЕЗДУХОВНОСТЬ.

Далее ТФИ сдвигается с рассматриваемой области в направлении к следующей характеристике духовного пространства семьи Клэкстон, активируя область ДУШЕВНЫЙ РАЗЛАД или дальнейший ОТХОД ОТ ДУХОВНОСТИ.

Рассмотрим ещё один пример:

(4) *Martha had not been liking Switzerland perhaps because it suited her, physically, too well (1a). There was something, she felt, rather indecent about enjoying such perfect health, as she enjoyed at Leysin (2a). It was difficult when one was feeling so full of animal spirits to think very, solicitously about suffering humanity and God, about Buddha, and the higher life, and what not (3a). Walking periodically to conscience-stricken realization that she had been thinking of nothing for hours and even days together but the pleasure of sitting in the sun, of breathing the aromatic air beneath the pines, of walking in the high meadows picking flowers and looking at the view (4a), she would launch a campaign of intensive spirituality (5a), but after a little while the sun and the bright eager air were too much for her, and she would relapse once more into a shamefully irresponsible state of mere well-being (6a) [Huxley: 29-30].*

Данный пример является неопровержимым доказательством того, что у человека есть три (с промежуточными пять) яруса жизни: духовный, душевный и телесный. В сферу действия ТФИ на начальном этапе вербализации концепта попадает область ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Необходимо сказать, что в рамках рассматриваемой области, можно выделить область ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС ЖИЗНИ, модификаторами которых выступают следующие лексико-семантические сочетания:

- felt indecent, about enjoying such perfect health;
- to think very solicitously about suffering;
- conscience-stricken realisation;
- she had been thinking of nothing;
- to relapse into a shamefully state of mere well-being.

Характерной особенностью семантики сочетаний приведённых выше, является, с одной стороны, эксплицитная экстериоризация области ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, и, с другой стороны, имплицит-

ное обнаружение области ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС ЖИЗНИ. Дефиниционный анализ, в некоторой степени, делает возможным раскрыть суть рассматриваемых областей и сопоставить выводы со общей структурой исследуемого концепта.

Обратимся к дефиниционному анализу:

To feel - to perceive by the the sense of touch to have in one`s heart;

Indecent - lack of decent (fairly good);

To enjoy - to have and use with satisfaction;

Solicitous - worried, concerned;

To think - to determine by reflecting; to reason;

To relapse - to slip or fall back into a former condition after change for the better;

Shameful - a painful feeling or emotion caused by having done something wrong, improper, immodest;

Well - being - the state or condition of being well; welfare (a state of health, happiness, prosperity);

Conscience - sense of right and wrong; sensitiveness to the rightness or wrongness of one`s own acts or motives;

Realization - awareness of, understanding [WNRUD: 237, 318, 216, 589, 648, 516, 713, 138, 507].

Так, на основе дефиниционного анализа лексико-семантических слов, мы пришли к выводу, что одухотворения души видны во всех сторонах жизни - мысленной, деятельной, чувственной. Нами предпринята попытка рассмотреть чувствующую часть жизни Марты, поэтому мы выделили область ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС, модификаторами которых выступают следующие лексико-семантические сочетания:

To enjoy such perfect health; to relapse into a state of well-being.

Но необходимо оговориться, что собственное дело сей части в душе - воспринимать чувством благоприятные или неблагоприятные состояния и воздействия во вне. Следующие ЛСВ являются подтверждением вышесказанному: she felt indecent about enjoying such perfect health; the sun and the bright eager air were too much for her.

Принимая во внимание, что семантика глагола «to feel», в первую очередь, основана на значении лексемы “sense of touch”, а глагола “enjoy” - “with satisfaction”, мы, тем самым, подтверждаем доминантное положение телесности главной героини, а не её духовности.

Внутреннее смятение Марты и некая беспорядочность её жизни, нам видятся, в привнесённых ею страстях (3а); (4а). Забвение духовных потребностей - вызывает оплотнение её душевной и духовной стороны жизни (3а). Неслучайно, что Марта находит удовлетворение в отдыхе, и это приводит её в смятение. (2а), (3а). Известно, что духовные потребности выше всех. Телесные потребности, ровно так же, как духовные и душевные - естественны, но полное удовлетворение первых вносит в жизнь беспорядок, хаос, смятение, душевный разлад и дисгармонию. Жизнь Марты, иными словами, можно охарактеризовать полной дисгармонией мыслей, чувств, предприятий, желаний (2а), (4а).

Вербализаторы рассматриваемого фрагмента области ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС вполне точно описывают процесс оплотнения духовности, не говоря уже о духовности. Этот факт подчеркивается употреблением сочетания «animal spirit», значение которого с первого взгляда трудно определить. Нам представляется, что выражение «animal spirit» - недостаточно семантически прозрачное слово. Но в контексте рассматриваемой области данное сочетание в значении греховные страсти соответствует названию самой области ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС. Таким образом, ТФИ из области ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС окончательно смещается на область ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС, тем самым подчеркивая духовное падение Марты и индуцируя область ДУХОВНЫЙ РАЗЛАД. Итак, душевный разлад, дисгармония, и отход от духовности нами видятся в области ТЕЛЕСНЫЙ ЯРУС ЖИЗНИ. Жизнь Марты целиком и полностью оплотняется и более того вызывает оплотнение и духовности и душевности, подчиняя их себе.

Обратимся к примерам 3а, 4а, 5а. Вербализаторы данного фрагмента - walking periodically to conscience-stricken realization, she had been thinking of, solicitously about - в полной мере описывают процесс блуждания помыслов Марты, непостоянство её желаний, чувство тревоги. За этим процессом стоит грамматическая форма “had been thinking of”, подчеркивая превалирование телесности над духовностью, что ведет к «духовной болезни». Хотя Марта временами осознаёт свою «болезнь», но не в силах с нею справиться. Неудивительно, ведь зародыш этой «болезни», находясь внутри Марты и раскрываясь вместе с раскрытием её потребностей, вносит в её жизнь смятение и делает таким образом всю жизнь Марты смятенною и бурливою.

Телесность Марты можно проиллюстрировать следующим примером:

(5)...she would launch a campaign of intensive spirituality... (Huxley: 30).

Для подтверждения обратимся к дефинициям:

To launch - to start oneself or someone else in some activity;

Campaign - a connected series of operations or activities to bring about some desired result;

Intensive - thorough, marked by special effort [WNRUD: 351, 92, 328].

Акцентируя внимание на данном примере мы в след за автором, осмеиваем попытку Марты приобщиться к духовному и жить в соответствии с этим. Ведь духовность выступает в качестве характеристики бытия человека. Именно в духовности синтезируется и смысл, и ценность, и назначение человеческой жизни. Да, духовность предполагает движение, но не абсурдные действия к этому движению. Ирония эксплицируется развернутым рядом лексико-семантических выражений: “launch a campaign of intensive spirituality”. Данные лексемы, на первый взгляд, не содержащие в своей семантической структуре образного компонента, оказываются в основе создания иронического смысла. Однако корни иронии необходимо, прежде всего, искать в

структуре словарного значения вышеперечисленных ЛСВ (см. выше). Их начальное семантическое значение оказывается продуктивным, так как способно становиться семантически вариативным в определенном для него контексте. Стыкаясь по принципу ассоциативности с нехарактерными для традиционного употребления словосочетаниями: “to launch a campaign of intensive spirituality”, само предложение становится стилистически окрашенным и наделяется эмотивной функцией. Итак, как явствует выше, ирония, заключенная в семантике выражения “launch a campaign of intensive spirituality”, подтверждает нелепость действий главной героини.

Таким образом, речь идет не о духовности, а псевдодуховности, что дает нам основание предположить о присутствии области ПСЕВДОДУХОВНОСТЬ. Особую роль в создании комического эффекта выделенной нами области играет, безусловно, грамматическая семантика глагола “would launch”. Данный глагол предназначен для описания многократных попыток Марты «обрести себя» через мир духовных ценностей.

Окончательным и завершающим аккордом ТФИ при вербализации области БЕЗДУХОВНОСТЬ служит следующий пример:

(6) *Martha had a cold and a touch of lumbago, Hebert was already succumbing to the attacks of his old enemy, chronic constipation. They overflowed with spirituality [Huxley: 30].*

В общем ироническом настрое повествования данные лексемы: “overflowed with spirituality” оказываются ядерными. Их коннотативные компоненты как бы иррадируют и порождают комический эффект. В сочетании с лексемой “spirituality” глагол “overflow” носит ярко выраженный иронический оттенок и имплицитно высмеивается «духовная» сторона жизни семейства Клэкстон.

Таким образом, при рассмотрении данного примера, ТФИ с области ТЕЛЕСНОСТЬ переходит на область ПСЕВДОДУХОВНОСТЬ. В процессе данного движения ТФИ индуцирует и активирует все выделенные нами области. Как видим, области исследуемого концепта находятся в тесной связи друг с другом и при малейшем сдвиге ТФИ в поле нашего рассмотрения попадают уже другие области, не рассматриваемые нами ранее. Учитывая вышесказанное, заключим, что непосредственно сам концепт SPIRITUALITY представляет собой сложное структурированное образование, требующее поэтапного градуирования и глубокого осмысления.

Список использованной литературы

1. **Алимурадов, О.А.** Смысл. Концепт. Интенциональность [Текст]: монография / О. А. Алимурадов.- Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – 312 с.

2. **Алимурадов, О.А.** Характерные особенности динамики концептосферы индивида [Текст] / О. А. Алимурадов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2004. - № 4. - С. 124-133.

Словари

1. **Webster's II New Riverside University Dictionary.** - NY: Houghton Mifflin Co., 1993. - 1536 p.

2. **Webster's Elementary Dictionary.** - NY: G & C. Merriam Co., 1962. – 739 p.

ИРОНИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ КАК ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Сеничкина Е. П., Никитина И. Н.

Самарский государственный педагогический университет

Самарский институт Российского государственного торгово-экономического университета

В лингвистической литературе эвфемизмы, как заменители табуированных наименований, а также слова и выражения, которые используются «в определенных условиях для замены нежелательных, невежливых, слишком резких слов» [Шмелев 1979: 402], принято разделять на древние и современные. Для древних эвфемизмов на первый план выдвигается религиозный мотив, в то время как для современных эвфемизмов - нравственный, моральный [Кацев 1988: 28]. По этой причине древние эвфемизмы не могли быть ироничными, замененные наименования производились совершенно серьезно. Иронические эвфемизмы - примета современной эвфемии. Однако под термином «современная» следует понимать достаточно широкие временные рамки. Уже в словаре В.И. Даля зафиксировано ироническое обозначение такого запретного наименования, как «ягодицы» - *Европа*.

Комическое и ироническое прослеживается во всех тематических группах современных эвфемизмов, хотя продуктивность таких замененных наименований в разных культурах различна. Так, иронические наименования понятий смерти, болезни и человеческих физических недостатков широко используются в английском и американском дискурсе, в отличие, например, от русского.

Исследования, проведенные Дж. Митчеллом по использованию эвфемизмов в разных культурах в контексте обсуждения темы такой смертельной болезни, как рак, показало, что в азиатской, испанской и южноамериканской культурах не принято ставить пациента в известность об истинном диагнозе и прогнозе на будущее, так как это может навредить больному. В северо-европейской и североамериканской культурах считается, что пациент должен быть полностью информирован о диагнозе и возможном исходе болезни, причем юмор служит для пациента защитным механизмом в данной неприятной ситуации, помогает паци-